

- 7 ОКТ. 1982

Петр
ПРОСКУРИН:

ПОСТИЧЬ ДУШУ НАРОДА

Петр Лукич Проскурин, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, секретарь правления Союза писателей СССР, был руководителем делегации, гостившей в нашем крае во время Дней советской литературы. Хабаровск — «литературная родина» писателя. Более двадцати лет назад на страницах «Тихоокеанской звезды» был напечатан его первый рассказ. По просьбе нашего корреспондента А. МАКЕЕВА писатель ответил на несколько вопросов.

— Любый писатель творит в условиях современного ему литературного процесса. Скажите, как вы оцениваете общее состояние нашей литературы и как ощущаете свое место в ней?

— Сейчас критики пишут о множестве различных течений и направлений в литературе, но я думаю, что с уверенностью можно выделить только два: это литература фактографическая и литература предчувствия. Поясню коротко, что я имею в виду. Начиная со «Слова о полку Игореве» (а, может, и еще раньше) предчувствие художника, т. е. его способность видеть дальше своего исторического времени, в сущности, выражало мироощущение народа, предсказывало как явные, так и тайные (скрытые от современников) пути развития народных судеб. Вот что я называю литературой предчувствия.

Я очень далек от мысли противопоставлять эти два направления. В чем-то они соперничают, но и дополняют друг друга, и лишь в совокупности могут составить то, что мы называем современной советской литературой. Однако лично мне ближе все-таки второе. Я всегда вдохновлялся литературой предчувствия и сам стремился работать в этом же плане. Другой вопрос: насколько мне это удавалось.

— Если я правильно понял, «литература предчувствия» рассматривает явления жизни в их развитии (это, кстати, одно из основных требований социалистического реализма). Но критики, видимо, все же не зря пишут о множестве направлений, возможных в этих широких рамках. Так, есть у нас мощный поток литературы, которая изображает героиню наших будней, нравственную красоту советского человека, — и это правда, это мы видим в жизни и имеем основания думать, что прогресс общества послужит дальнейшему развитию лучших сторон человеческой личности. Но есть не менее мощный поток литературы, которая с тревогой говорит об утрате каких-то нравственных ценностей, о современном мещанстве, стяжательстве, культе вещей, духовном обнищании. И это тоже, к сожалению, правда. Как видите, диапазон «предчувствий» весьма широк, он включает очень

разные взгляды на современность и современника. Хотелось бы более точно определить ваши.

— На такие вопросы писатель отвечает всем своим творчеством. К тому же его взгляды меняются в течение жизни. О себе могу сказать одно: с возрастом и с опытом (как жизненным, так и литературным) происходит сдвиг в сторону более критических оценок действительности. Вероятно, это заметно и по моим книгам, особенно если взять то, что написано уже после романа «Судьба».

— Можно ли это назвать новым этапом творчества?

— Если в моем возрасте не поздно говорить о «новых этапах», давайте называть это так. Начиная с повести «В старых ракетах» (она опубликована в журнале «Москва» в 1980 году), я пытаюсь понять сущность жизненных связей, каких-то глубинных процессов, идущих в обществе, — в преломлении национального характера, его особенностей и его будущего. Если вы помните эту повесть, она о том, как человек ушел из деревни в город, но так и не сделался городским человеком.

— Эта тема волнует сейчас многих писателей. Ведь за очень короткий исторический срок — буквально за каких-то полвека — произошло настоящее «переселение народов» из деревень в города. Процесс, конечно, не мог идти безболезненно, что и вызвало в литературе целый спектр отражений, подчас разноречивых. Вспомним хотя бы Белова и Шукшина, Липатова и Астафьева, — да мало кто прошел мимо, не сказав своего встревоженного слова. А как вы оцениваете этот процесс, в самом общем плане?

— Спокойно. Вполне спокойно. Опять-таки с возрастом и с опытом начинаешь понимать объективный характер происходящего, его закономерности.

Я понимаю, что вы издалека подходите к вопросу о моей писательской позиции. Так вот, я думаю, легко запутать и себя, и читателя, если на объективные сложности жизни (а их всегда хватает) будут накладываться еще и субъективные, часто нарочитые страсти тех, кто берется ее изображать. Позиция писателя должна быть максимально не-

предвзятой. Ему следует наблюдать жизнь, изучать ее закономерности и пытаться понять, куда они ведут и во что могут вылиться.

— Но не граничит ли это с той самой фактографией, о которой вы говорили?

— Нет, это не граничит с фактографией. Давайте для наглядности сравним с наукой (хотя всякое сравнение, конечно, хромает). Есть наука чисто описательная, она ограничивается простым накоплением фактов. А есть наука, которая собирает факты затем, чтобы выявлять их связи и строить гипотезы. Я за такую литературу, которая строит гипотезы. Однако строит их не на почве субъективных взглядов того или иного писателя, а на почве наблюдения и анализа жизненных фактов.

— Какой же критерий истины мы примем для наших литературных гипотез? В чем вы видите его для себя?

— В мироощущении народа. Если помните, я писал об этом в автобиографических главах: «Ничего больше не искать, ни на что больше не тратить сил, лишь бы только как можно ближе пробиться к душе народа, к его самому сокровенному». Сейчас я совершенно сознательно ставлю перед собой такую задачу, это и есть моя писательская позиция. Повесть «В старых ракетах» была первой попыткой рассмотреть в этом плане процесс «переселения народов», как вы его называли. Тот же, в сущности, процесс анализируется и в повести «Черные птицы» (опубликована в журнале «Огонек» за прошлый год), но на другом материале и, так сказать, на иной стадии развития — в среде творческой интеллигенции.

— Однажды вас уже спрашивали по поводу романа «Имя твое»: почему вы решили ввести непривычный для вас материал — о жизни и труде ученых? Вы сослались тогда на «дерзость писателя», роль вымысла и возможности творческой фантазии. Я хочу поставить вопрос иначе: как происходит ваш «выход на героя», ваша встреча с ним? Появляется ли он только из дерзости, вымысла и фантазии или же вы ищете своих героев в жизни?

— Основные творческие импульсы дает, конечно, жизнь. Однако я не могу сказать, что «ищу героя» — обыкновенно он находится сам, возникает из какого-то сложного сплава наблюдений и фантазии. Это происходит естественно, не помню случая, чтоб я, например, куда-то специально выезжал «охотиться за героем». Вероятно,

не исключен и такой метод работы: можно, скажем, поехать на БАМ и что-то такое там высмотреть. Но, понимаете, это обязательно должно коснуться вашей души, даже больше — вашей человеческой судьбы, то есть должно сильно, глубоко задеть эмоциональную сферу, стать вашим личным переживанием. Иначе ничего не получится — герой не будет жить, и никакими точнейшими наблюдениями его не спасешь. Убедительно можно написать только то, что сам пережил.

Чему же удивляться, если я стал изображать творческую интеллигенцию? Разве я сам, некоторым образом, не принадлежу к ней? Мое теперешнее окружение — как раз писатели, ученые, художники. Все, что происходит в этой среде, прямо касается меня и, конечно, дает материал для творчества. Следом за «Черными птицами» написана еще одна повесть — «Полуденные сны» (она появится в январском номере журнала «Молодая гвардия»). Кроме того, почти закончен новый роман (условно он называется «Малиновый звон», но это название я, вероятно, изменю). И там, и тут — опять интеллигенция, опять ученые: историки и физики. По-моему, это закономерно. Было бы удивительно, если бы я о них не писал.

Мой интерес к интеллигенции вызван не только тем, что меня, выходя из крестьянской семьи, судьба забросила в эту среду (хотя и это тоже очень типично для нашего времени). Но есть еще и другой интерес: в этой среде, в ее внутренних противоречиях, в той «драме идей», о которой говорят, например, физики, я вижу отражение сложной духовной жизни народа, только в наиболее чистом, так сказать, отфильтрованном виде. Вот почему я об этом пишу.

— Поделитесь ближайшими творческими планами.

— Я уже назвал повесть «Полуденные сны», а также роман, который думаю за зиму окончить. В эту же зиму придется работать над сценарием: запланирован трехсерийный фильм по моей повести «Черные птицы», причем на главную роль утвержден Иннокентий Смоктуновский. Как вы знаете, этот актер у нас «нарасхват», и если я не хочу, чтобы его кто-нибудь перехватил, то должен к весне сдать готовый сценарий. Таковы планы ближайшие. Из более далеких есть у меня замыслы еще двух романов, для меня очень интересных. Один из них — как раз в

плане исследования народной души. Но большего пока сказать не могу: если все рассказывать, то незачем будет читать романы — достаточно одних интервью.

— Скажите, тот период жизни, который связан с Дальним Востоком, по-прежнему как-то питает ваше творчество или это уже отошло в область личных воспоминаний?

— Я думаю, говорить о народной душе и народном характере вообще очень рискованно, если не знаешь Сибири и Дальнего Востока. Верно написать какого-нибудь орловского мужика или московского профессора почти невозможно без такого знания. И дело не только в том, что у этого орловского мужика сын или зять непременно служит в армии где-нибудь на Сахалине или на Камчатке, а кто-то из их села или из соседнего задумал переселиться или уже переселился на Амур или в Приморье. Это факты внешнего порядка. Главное же в том, что русский человек, где бы он ни жил, ощущает себя не в Орловской или Курской области, он ощущает себя в России. А Россия — это пространство от океана до океана. Так или иначе оно отражается в душе любого русского. Я думаю, писатель, который не знает этих пространств в природе, просто многого не поймет в народном характере.

— И последний вопрос. Известно, что писатель дважды чувствует себя гениальным. Первый раз — когда замысел вещи созрел, но еще ни слова не написано, не началась трагическая борьба с листом бумаги. И второй раз — когда поставлена последняя точка, вещь окончена, но еще никто ее не читал и даже не знает о ее существовании. Скажите: довольны ли вы тем, что пишете? Удастся ли вам выразить именно то, что вы задумали?

— Не всегда. Но о повести «Черные птицы» могу сказать: да, я доволен. Вот уж и точка поставлена давно, и повесть ушла к читателю, а теперь даже экранизируется, но я по-прежнему доволен ею. Думаю, здесь мне удалось сказать все, что я хотел.

Это, конечно, редкий случай. И вообще разговор о писательских самооценках — тяжелый разговор. Как-то сидел с Леонидом Леоновым, и этот мудрый старик сказал так: «Когда умирает писатель, вместе с ним зарывают в землю и его книги. И вот если они оттуда начнут прорастать, тогда можно говорить с уверенностью, что писатель состоялся».